

обусловленность богословско-политической полемики и антицерковной борьбы, разгоревшейся в России в конце XV—начале XVI в.

Особенно много противоречий и недомолвок допускает автор при характеристике западного влияния. По его мнению, оно было очень сильным и вызвало к жизни, с одной стороны, так называемую «ересь жидовствующих», а с другой — осифлянское направление в русской церкви. Источник «ереси» и осифлянства, по Денисову, — западный Ренессанс. Вместе с тем он подчеркивает, что осифлянство (включая сюда и политическую доктрину предшественника Иосифа Волоцкого — архиепископа новгородского Геннадия) представляло собой реакцию на «ересь», т. е. было резко противоположно ей. Но в чем заключается эта противоположность между осифлянством и «ересью» как течениями западной мысли, неясно, если не считать того, что первое являлось течением православным, а второе — неправославным (*hétérodox*). Исходя из идеалистического понимания истории, Денисов не вскрыл здесь классовых позиций осифлянства и разных направлений в «ереси жидовствующих». Будучи сторонником современной католической церкви, он включил в западный Ренессанс не только передовую идеологию, но и реакционную программу инквизицизма, попытавшись таким образом скрыть за вывеской Ренессанса реакционность идеологии католической церкви. Поэтому Денисов не стремится выяснить, в какой мере перекликалась политическая доктрина осифлян с классовыми установками католической церкви. Не ставит он вопроса и о том, можно ли сравнивать русские «ереси» с течениями антикатолической «еретической» мысли на Западе.

Денисов справедливо указывает на неправомерность объединения под расплывчатым термином «ересь жидовствующих» всех неправославных течений конца XV в.⁹ Однако факт наличия «еретиков» среди придворных и родственников Ивана III настолько дезориентирует автора, что он совершенно не в состоянии выделить в качестве основы движения антифеодальный и антицерковный протест широких плебейских масс. Денисов не замечает социальных корней «ереси», которая возникла, согласно его убеждениям, в результате какого-то психологического кризиса: разрыв с Византией, нарушение старых традиций поколебали веру в незыблемость православия, а из колебаний и неуверенности развилась «ересь»¹⁰. Более того, он прямо затушевывает социальное содержание «ереси»: все свободомыслие «еретиков» и продолжение ими западного Ренессанса он сводит к их увлечениям астрологией¹¹. Связь «ереси» с народной борьбой остается полностью скрытой. Поэтому неудивительно, что автор объявил «ересь жидовствующих» первым антихристианским движением в России¹², хотя в действительности история борьбы с феодальной церковью и ее идеологией уходит корнями к гораздо более раннему времени¹³.

Рождение осифлянства Денисов объясняет вставшей перед церковью задачей борьбы с «ересью»¹⁴. Это утверждение автора в какой-то мере соответствует историческим фактам. Но в его концепции роль «ереси» особо подчеркивается для того, чтобы придать западному Ренессансу («ересь» — проявление русифицированного Ренессанса) значение решающего толчка в развитии политической философии России. Само содержа-

⁹ E. Denisoff. *Aux origines...*, p. 75.

¹⁰ *Ibid.*, p. 73—74.

¹¹ *Ibid.*, p. 75.

¹² *Ibid.*, p. 74.

¹³ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.—Л., 1955.

¹⁴ E. Denisoff. *Aux origines...*, p. 75.